

МИХАИЛ ГРИШИН



## ЖИЗНЬ УДАЛАСЬ

РАССКАЗЫ

### КОЗЕРОГ И ШУРОЧКА

Николай был личностью знаменитой: широкоплечий, под два метра ростом, с грубыми чертами лица, с ручищами, больше похожими на две дубовые тёмные коряги. Однажды на спор он легко разогнул подкову, скрутил её в виде пропеллера и с ухмылкой вернул мужикам. А надо сказать, что по тем временам хорошие подковы ценились особенно дорого, потому как в свободном доступе отсутствовали. Больше с подобными глупостями к нему мужики не обращались. Разве только на потеху ребятишкам он время от времени сгибал пальцами пятаки.

В деревне испокон веков принято давать всем прозвища. Не обошла древняя традиция своим вниманием и Николая, по-уличному звали его почему-то Козерог. Не думаю, что это связано с созвездием Козерога, под знаком которого он мог родиться. Астрологией ни тогда, ни сейчас в деревне особо никто не интересовался. Тогда такого и понятия-то не было. А вот колдовством и всякими приворотами — этим наши деревенские жители страдали. Даже

---

*ГРИШИН Михаил Анатольевич родился в 1959 году в селе Саюкино Тамбовской области. Автор книг “Дождь, самогон и коробка конфет”, “Козерог и Шуручка”, романов “Вкус мести”, “Паутина”, множества повестей для подростков. Как сценарист участвовал в нескольких телевизионных проектах, автор сценария восьмисерийного телефильма “Облака, испачканные пылью”. Лауреат литературного конкурса Тамбовской области “Земля родная”, дипломант третьего Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А. Н. Толстого. В 2015 году книга “Приключения Витьки Картошкина” удостоена звания “Нравится детям Тамбовской области”. Член Союза писателей России. Живёт в Тамбове.*

точно знали, кто превращается в полнолуние в свинью и бродит по окрестностям, чтобы напасть на припозднившегося одинокого путника и укатать до смерти. Но, как говорится, не пойман — не вор. Скорее всего, оттого, что Николаю как-то довелось один сезон пасти общественных коз, вот и прикипело прозвище.

Жена его Шурочка была полная противоположность своему мужу. Впервые, её все звали обыкновенно — Шурочка. Если хотели, чтобы слушателю было более понятно о ком идёт речь, добавляли — Козерогова. Во-вторых, Шурочка была росточка довольно скромного, даже привстав на носки, не дотягивала мужу до подмышек. Но зато на язык баба острая, в поступках стремительная, с быстрыми резкими жестами. Спуску никому не давала, если что не по ней, сразу вступала в перепалку, отстаивая свою правду. Тогда её пронзительный голос можно было услышать на другом краю деревни. Столь непростой характер Шурочка, по всему видно, приобрела ещё в раннем детстве, давая отпор своим обидчикам из числа более развитых сверстников, которые так и норовили заклевать миниатюрную, словно Дюймовочка, девчонку из-за её малого роста. Но об истинной причине теперь можно лишь догадываться. Кстати, очень странно, что прозвище Дюймовочка к Шурочке Козероговой так и не приклеилось. Наверное, всё из-за этого самого характера, который у Дюймовочки из сказки был более покладистый. Как бы там ни было, но Козерог с Шурочкой между собой ладили.

Как и все деревенские, они держали небольшое необременительное хозяйство: коровку, телочка, поросёночка и ещё кое-какую мелкую живность. Без этого в сельской местности никак. В общем, по деревенским понятиям жили не лучше и не хуже других. Правда, водилась за Шурочкой одна странность: при работе на огороде ли, в саду ли она вдруг непредсказуемо оставляла работу, порывисто обнимала своего “благоверного” и одаривала долгим и горячим поцелуем.

— Шур, люди смотрят, — смущённо басил Козерог, пытаясь отстраниться.

После чего томно потягивалась и, хитро поглядывая по сторонам своими зелёными глазами, вновь принималась за работу, как ни в чём не бывало. Что на неё находило в такие моменты — непонятно.

— Вот сучка вертлявая! — на чём свет стоит ругались бабы, глядя на всю эту срамоту, и отчаянно плевались: — Тьфу, тьфу!

Прилюдно целоваться нашими бабами не поощрялось и осуждалось чуть ли не как первородный грех. Но думаю, что втайне завидовали ей бабы, которые, чего уж там говорить, грубы были со своими мужьями. Хотя детей клепали бесщётно.

Конечно, и у Козерога с Шурочкой не обходилось совсем уж без скандалов, всё-таки были они люди простые. Но если в других семьях драки и скандалы происходили из-за пугающей регулярностью, то здесь достаточно редко и, как правило, в день выдачи зарплат. Но зато в этот день разыгрывалось целое представление. Начиналось всё довольно обыденно: вначале Козерог выпивал с мужиками в складчину, потом удалялся в неизвестном направлении. Подглядывать за ним один случай отвалил навсегда.

— Я тебе не жена, чтобы за мной следить, — грубо сказал Козерог и слегка смазал соглядатаю по пьяной физиономии.

— Кофелог, пафла, удафлю паскуфу! — распаяясь, кричал мужик, ужасно шепелявя из-за неожиданно свалившегося на него несчастья в виде двух отсутствующих зубов и сломанного носа. Но как водится, обиды не за тайл, потому как сам был виноват. Да особо и не стремился, осознавая всю тщетность своей вендетты. А так хоть жив остался.

На деревне все люди на виду, поэтому тайна скоро стала достоянием даже самых нелюбопытных. Да и тайна, если признаться, оказалась до обидного простой: Бог своих детей Козерогу и Шурочке не дал, вот его по пьяному делу ноги сами и приволили туда, где играли ребятишки. На трезвую голову рослый Козерог стеснялся проявлять нереализованные отцовские чувства, чтобы не выставить себя на посмешище. Всё-таки взрослый семейный мужик, а не ветреный мальчишка. Козерог без разбору садился хоть в траву,

хоть в придорожную пыль, по-пьяному широко разбросав ноги, и принимался щедро одаривать малышню гостинцами. Специально для этого случая Козерог покупал в магазине кулёк конфет “подушечки”. Чтобы собутельники не узнали о его слабости и не осмеяли, предприимчивый Козерог кулёк прятал в карман обширных брюк. Естественно, что в таких условиях сладости долго находиться не могли и начинали заметно подтаивать. Козерог аккуратно извлекал из кармана слипшийся ком, бережно отколупывал “подушечки” и с чувством вкладывал их в испачканную ладошку очередного счастливого гостинца. По тому времени родители не часто баловали своих детей разнообразными “вкусняшками”, поэтому ребятишки были несказанно рады любому гостинцу. Даже от тех последних нескольких конфет, которые Козерог выуживал со дна кармана вместе с крошками табака, никто не думал отказаться, побрезговав. Когда заканчивались конфеты, добрый дядя Коля Козерог начинал оделять всех мелочью. После мелочи наступал черёд купюр.

— На тебе, Петька, на лисапед, — войдя в раж, басил огромный Козерог и совал замусленные рубли соседскому мальчишке за пазуху. Потом с умилением гладил белобрысую макушку девчонки с лицом конопатым, как перепелиное яйцо: — А это тебе, Маришка, на новую куклу!

Шурочку в деревне хоть и недолюбливали, но всегда находился доброжелатель, который доносил о местонахождении мужа и его пьяных проделках. Вот в такие минуты умиротворения и блаженства и появлялась разъярённая Шурочка с толстой хворостиной. Хворостина в своё время была специально подобрана для выгона на выпас своенравной, как сама хозяйка, коровы. Ну и, наверное, ещё вот для таких случаев...

— Паразит! — нервно голосила миниатюрная Шурочка. — Связался с неосмысленной ребятихой! Барин какой выискался — деньгами сорить!

Ребятишки знали, как тяжело достаются деньги родителям, и охотно возвращали чужую зарплату. Ну, может быть, кто-нибудь по рассеянности и оставлял себе копеек пять на кино. Не думаю.

Тем временем Козерог упирался руками в землю, тяжело поднимал зад, чтобы принять вертикальное положение. Выбрав удобный момент, Шурочка с наслаждением дупила по обтянутым ягодицам, приговаривая:

— Идол, дубина стоеросовая! Я из тебя дурь-то выбью!

Ругаться она умела. Козерог с трудом выпрямлялся, и скорбная процессия в сопровождении галдящих ребятишек начинала движение по улице. Впереди, покачиваясь из стороны в сторону, двигался сам виновник торжества, следом Шурочка, не забывая время от времени охаживать его по широкой спине хворостиной.

— Окаянный! — специально шумела на всю улицу Шурочка, как бы приглашая односельчан посочувствовать её тяжёлой доле. — Медведь-шатун!

Когда Козерог с Шурочкой скрывались за калиткой своей усадьбы, расклад менялся: Козерог оборачивался и, набычившись, шёл на Шурочку. По пути он прихватывал прислонённую к стене сарая слегу, которой угрожающе размахивал перед собой, круша всё подряд.

— Зашибу! — страшно хрипел он, бешено вращая налитыми кровью глазами. — Ведьма!

Только привычная ко всему Шурочка не пугалась его угроз, оборачивалась задом, задирала юбку и звонко хлопала по своим ягодицам ладонью.

— Попробуй, достань! — злорадно выкрикивала вёрткая Шурочка. — Пень дремучий!

Через полчаса бесперспективного занятия догнать жену запыхавшийся Козерог отбрасывал слегу и тяжело плюхался на порог.

— Что ж ты, сука, со мной делаешь?! — стонал он и скрипел зубами, пьяно мотая головой. — Ты же из меня кровь сосёшь... клоп вонищий! Да я, может, жить без тебя не могу! — Он глухо ударял себя в грудь кулаком. — А ты, курва, даже забер... заберем... заберенем... не можешь!

Шурочка присаживалась на порог рядом, обнимала за шею и теребила его разбойничий чуб, часто смаргивая обильно текущие слёзы.

— Ничего, Коля, — слабо утешала она, — может, и нам Бог даст счастье иметь ребёночка.

Они сидели в тёплых вечерних сумерках: здоровый, словно бугай, Козерог и лынувшая к нему маленьким воробышком Шурочка. Она ласково гладила его по голове, потом, глядя куда-то вдаль, тоненьким голоском заводила:

— “Степь да степь кругом, путь далёк лежит...”

— “В той степи глухой умирал ямщик”, — басом подхватывал Козерог.

А ещё Козерог с Шурочкой были большими любителями походов за земляникой. Они спозаранку выгоняли корову в стадо, брали туески и уходили в дальний Мажарский лес, где водилась особенно душистая и крупная земляника. Возвращались Козерог с Шурочкой поздно вечером с полными туесками ягод, сверху прикрытых листьями папоротника.

Но однажды Козерог вернулся из леса в полдень, деревенские улицы, томимые июльской духотой, были пугающе безлюдны. На руках Козерог бережно держал Шурочку, лицо которой заметно осунулось и посерело. Она тяжело дышала, в груди хрипело, а за белыми, как мелкий жемчуг зубами, шевелился распухший язык.

— Коль, — спёкшимися губами через силу едва слышно шептала Шурочка, — а ведь я всё-таки понесла... ребёночка.

— Шур, ты молчи, — страшно кривил лицо Козерог, чтобы вслух не разрыдаться, — не трать силы.

Ещё не было случая, чтобы в нашем лесу кого-либо ужалила змея со смертельным исходом. Одиннадцать километров по солнечной жаре, которые пришлось выдержать миниатюрной Шурочке на руках у мужа, довершили тёмное дело: нога распухла до невероятных размеров и почернела. Пока сонный сосед запрягал лошадь да гнал во весь опор на станцию, где находилась больница, Шурочка скончалась.

Гроб неутешный Козерог смастерил сам, безжалостно разгородив ларь, в котором хранилась пшеница. Выдержанные годами сухие дубовые доски были самым подходящим материалом, чтобы не дать скоро превратиться в труху мёртвому, но всё ещё прекрасному телу. Фотографию на крест Козерог прикрепил свадебную, чем поразил многих деревенских. В рамке под стеклом они с Шурочкой сидели голова к голове: Шурочка в венке из искусственных листьев, а он в жениховской фуражке с цветком и с торчащим из-под козырька чубом. И не потому, что другой фотографии в доме у Козерога не нашлось, а потому, что так ему захотелось. В оградке посадил молодую рябинку, выкопав из своего сада, чтобы над могилкой всегда сохранялась лёгкая прохлада.

Как-то после похорон мы с ребятами ночью шли в соседнее село на танцы. Единственная дорога пролегла мимо кладбища. Мы уже привычно миновали кладбище, как вдруг услышали странное приглушённое подвывание, которое доносилось из гущи зарослей. Голос был до того жуткий, что не только у меня одного по коже пробежали мурашки. Хорохорясь друг перед другом, мы тихо подкрались к тому месту, готовые, если честно, в любой момент убежать. Скоро мы увидели чёрную фигуру, которая стояла на коленях перед могилой, раскачиваясь взад и вперёд. В свете ущербного месяца мы узнали Козерога.

— Что ж ты наделала, милая, зачем меня оставила? — убивался Козерог. — Обещала ребёночка, а сама забрала его с собой. Как же я теперь здесь один на этом свете жить буду? Мне и свет без тебя не мил.

Даже из кустов наблюдать было страшно, а подходить — тем более. В гневе Козерог был безумен, а уж после этого случая с ним вообще боялись разговаривать и при встрече старались обойти стороной. У кого-то из нас ногой хрунула ветка, и мы в ужасе застыли.

— Кто тут? — спросил Козерог. — Шур, ты?

Ломая кусты, мы рванули с кладбища, перепрыгивая через могилы и оградки, в один миг очутившись на дороге. Идти на танцы нам расхотелось, и мы вернулись в деревню, где всё рассказали родителям.

На это древняя старуха Федулиха знающе заметила:

— Уж поверьте мне, бабоньки, не жилец он на белом свете, раз зачестил на кладбище. Зовёт она его к себе. Уж такая у них, видно, крепкая любовь была.

Прозорливой оказалась Федулиха, как в воду глядела, старая. Козерога нашли под вечер на “сороковины” на кладбище. Он лежал, обняв могилу, плотно прижавшись щекой к холодной земле. Рядом на расстеленной газете находился немудрёный помин: огурец, лук, хлеб, стакан и початая бутылка водки. Козерог был мёртв. На застывшем лице — подсохшие дорожки от слёз, в скрюченных пальцах — комья земли, как будто он пытался выкопать покойную из могилы. Не выдержало сердце разлуку. Жить без своей Шурочки, своенравной, но дорогой, и ещё не родившегося долгожданного ребёнка Козерог не захотел.

## ЖИЗНЬ УДАЛАСЬ

У старика Лычагина от рака умерла жена. Умирала тяжело, в бреду металась на постели, роняя на пол остро пропитавшуюся лекарствами простыню, безумно катала потную голову по подушке, страшно хрипела, будто невидимая петля стягивала истончённую шею. А когда приходила в себя, брала руку мужа в свою и скорбно глядела на него из ввалившихся глазниц воспалёнными глазами, так что Лычагину становилось не по себе. Ему казалось, что жена смотрит с немым укором, мол, она вот умирает, а он, здоровый мужик, остаётся жить дальше. В такие минуты ему становилось невыносимо совестно, он отводил напивавшиеся влагой глаза в сторону.

Три года назад Лычагину настоятельно советовали определить жену в хоспис, чтобы не мучиться с её домашним уходом. Только Лычагин по жизни никогда не был предателем, отказался расставаться с неизлечимо больной женой, с которой прожил долгую жизнь.

— Дома родные стены помогают, — буркнул он хмуро, и дальнейшие вопросы отпали сами собой.

Смотреть на высохшее в былинку жёлтое восковое тело было мучительно, и Лычагин крепился, насильно улыбаясь, чтобы не сделать жене ещё большее, не нанести душевную рану. И жена напоследок оценила его жертвенную деликатность, почти беззвучно прошептав перед самой смертью одно-единственное слово, на которое хватило жизненных сил: “Спасибо”. По впалой щеке сиротливо прокатилась одинокая слезинка, и глаза жены безвольно закрылись уже навечно. Лычагин медленно опустился на колени, прижался губами к холодной руке и безутешно заплакал.

На похороны приезжали дочь с зятем. Похоронили старуху хорошо, с отпеванием в церкви при кладбище, с богатыми поминками в кафе. Вышло не хуже, чем у людей, обижаться покойнице не на что.

Вечером дочь с зятем уговаривали Лычагина перебраться к ним в областной центр. Только кому он там нужен, в областном центре? А здесь в рабочем посёлке прошла вся его жизнь. На местном заводе Лычагин числился на хорошем счету: в своё время завод поставлял для Севера большегрузные трейлеры.

— Да и мать одну не бросишь, — привёл он последний аргумент против спешного переезда, — не освоилась она ещё на новом месте. Поживу пока здесь, а там видно будет.

— Верно батя говорит! — завершил неприятный для Лычагина разговор зять. — Не дело сразу после похорон срываться с насиженного места. — И наказал: — Ты, батя, если надумаешь переезжать, так сразу дай знать, я приеду за тобой. Да и вообще звони, если что.

На том и решили.

Похоронил Лычагин свою старуху и остался как бы не у дел: ещё вчера был на хозяйстве, а сегодня не знал, чем себя занять. Не стало более бессонных ночей, необходимых ежедневных процедур, постоянных походов за лекарствами, вылазок по магазинам, где можно было удачно приобрести памперсы со скидками. Ощущать внутри пустоту было непривычно, и Лычагин целыми днями неприкаянно бродил по посёлку, равнодушно скользя глазами по знакомым местам.

Третьего дня он забрёл в парк и отстранённо присел на скамейку под берёзой. Над головой в густой кроне звонкогласо затренькала крошечная

птичка. Лычагин, который ещё со школьного кружка юннатов научился различать птичьи голоса, безошибочно определил: “Овсянка”. Он поднял голову: сквозь резные просветы в листве лился яркий золотистый свет. В груди у Лычагина вдруг необъяснимо сладостно защемило, и нестерпимо потянуло на малую родину. Старика прямо охватил неожиданный зуд, он суетливо поднялся со скамейки и рысью припустил к дому. “Первым делом навещу родителей на кладбище, — на бегу думал он. — А уж потом пройду по селу”. Дома запыхавшийся Лычагин спешно собрал рюкзак — подарок внука, — завернул с собой кое-что из провизии, чтобы не тратиться в дороге, и опять бегом на остановку, где можно было перехватить рейсовый автобус, маршрут которого проходил мимо родного села.

Через три часа Лычагин сошёл в безлюдном месте, откуда до отчего дома оставалось пройти какие-то незначительные полтора километра. Старик издали поглядел в сторону села. В детстве с этого места открывался величественный вид на церковь Михаила Архангела, а сейчас виднелись лишь макушки высоких старых тополей. Но сегодня это обстоятельство ничуть не омрачило приподнятого настроения Лычагина. Он проводил отъезжавший автобус глазами, закинул за спину рюкзак и ходко направился в село по едва приметной тропинке, извилисто тянувшейся среди молодого сосняка. Скоро Лычагин вышел к первому дому, в котором раньше жили Савельевы. Теперь осиротевшая хата выглядела убого, завалилась фасадом вперёд настолько, что любой мог войти внутрь через окно. Чуть далее, где на кирпичных развалинах буйно цвела глухая крапива, и выше человеческого роста стоял бурьян, когда-то располагался отчий дом самого Лычагина.

От переполнивших чувств у Лычагина запершило в горле, защищало в глазах. Он, было, собрался пустить старческую слезу, как неожиданно увидел выходящим из-за угла дома Касьяныча. Ванька Лычагин и Петька Савельев по прозвищу Касьяныч дружили с малолетства. Уж кого-кого, но Касьяныча Лычагин никак не ожидал здесь увидеть. Он оторопел настолько, что по-бабьи глупо взмахнул перед собой ладонью, будто встретил привидение. Касьяныч тоже оторопел, увидев перед собой давнего друга. Так они стояли где-то с минуту, ревниво рассматривая друг друга. Первым опомнился Касьяныч: заметно прихрамывая на правую ногу и опираясь на самодельный костыль, подошёл и протянул натёртую сухими мозолями узкую ладонь.

— Ну, здравствуй, колы увиделись, — хрипло сказал он, бурывая Лычагина колючим взглядом. — В родные места потянуло?

— Приехал родительские могилки проведать, — миролюбиво ответил Лычагин.

— Это правильно, — кивнул Касьяныч и внезапно заволновался, даже голос стал осекаться, когда спросил: — Выпить с собой прихватил? — И сам ответил себе: — По глазам вижу, что забыл. Нехорошо на сухую поминать! — попенял он растерянному Лычагину. — Но ничего, мы это дело быстро поправим!

В крошечном магазинчике Лычагин купил бутылку водки, пару разовых стаканчиков и пачку сигарет для обедневшего друга, в душе порадовавшись своей дальновидности — сэкономил на харчах. По пути на кладбище повеселевший Касьяныч торопливо рассказывал о местных новостях, не забывая время от времени проверять бутылку, которая приятно оттягивала внутренний карман потёртого пиджака.

— Всё, Лычагин, пропало село, одни дачники остались. Да и те скоро разбегутся, уж поверь мне. А раньше помнишь, как богато жили? Колхоз — миллионер. Больница на весь район славилась. Свой роддом, амбулатория, даже операционная была. А сейчас знаешь, что в больнице находится? Хрен догадаешься! Дом престарелых!

На кладбище Касьяныч бесцеремонно смахнул рукавом с деревянного столика лёгкий налёт плесени, и Лычагин выложил на газете свой немудрёный обед: варёные яйца, огурцы, помидоры, зелёный лук и хлеб. Касьяныч нетерпеливо разлил водку в стаканчики.

— Царствие им небесное, — буркнул он и, не чокаясь, выпил. После второй Касьяныча потянуло на откровение:

— Лычагин, ты, видно, сильно удивлён, что увидел меня здесь? Небось думал, что я у внучки жирую? А вот хрен ты угадал! Видишь ли, озаботилась она о моём здоровье, вот и определила в дом престарелых. Думает, я совсем из ума выжил, не понимаю, что надоел, да и тяжёлый дух от нас стариков опять же. Вот и избавилась, чтоб в квартире не воняло. А что, теперь можно изгаляться, когда один как перст остался. Анна умерла, слышал, наверное? Дети далеко живут: Маруська в Хабаровске, а Серёга во Владивостоке. Живут, чего им дается. А я вот здесь в доме престарелых обретаюсь. А сегодня такая тоска взяла за горло, хоть вешайся. — Касьяныч трясущейся рукой налил себе водки и одним махом опрокинул в рот. — Так и существую.

“Вот, оказывается, для чего он в старый дом приходил”, — догадался Лычагин и, сочувствуя, со вздохом признался:

— А я ведь тоже свою Галю похоронил, тоже один остался.

Какое-то время Касьяныч смотрел на него безумными глазами, потом вдруг упал на колени, подполз и принялся горячо упрашивать:

— Лычагин, возьми меня к себе жить! Мы будем в шахматы с тобой играть, пенсия у меня имеется, пускай и небольшая. Пить будем только по великим праздникам. И то четвертинку на двоих. Мы же друзья, Лычагин! — Он хватал руки Лычагина, слюняво целовал, просил слёзно: — Не дай пропасть, дружище!

— Поедем, — решил Лычагин, выпитая водка уже ударила ему в голову.

Когда подвыпившие старики заявили в дом престарелых за вещами, там был тихий час. Касьяныч с шумом проковылял по гулкому коридору до своей палаты, где с ним проживали ещё девять постояльцев. Здесь он принялся спешно закладывать в объёмную клетчатую сумку свои вещи.

— Друг приехал за мной, — как заклинание повторял дрожащим голосом Касьяныч. — За мной специально приехал! Забирает меня.

Уже во дворе Лычагин невольно обратил внимание на окна, за мутными стёклами которых маячили одновременно взволнованные и любопытные лица постояльцев: до сегодняшнего дня им ещё не приходилось видеть, чтобы отсюда кого-либо забирали.

Касьяныч повернулся к окнам, низко поклонился и с чувством крикнул: — Не вспоминайте лихом, бабоньки и мужички!

Вытер рукавом глаза и, не оглядываясь, захромал со двора, сопровождаемый Лычагиным, будто верным оруженосцем, которому доверил нести тяжёлую сумку.

— Знаешь, Лычагин, как мы с тобой крепко заживём? — говорил он дорогой. — Нам сиамские близнецы позавидуют. Вот как заживём!

Только мечте Касьяныча о новой и счастливой жизни в ближайшее время сбыться было не суждено. На полпути приятелей перехватила директриса на подержанной машине “скорая помощи”. Мало того, что она накричала на Касьяныча, обвиняя старика в систематическом нарушении заведённых ею порядков, так ещё обвинила Лычагина в подстрекательстве к побегу, мол, спойл безвольного человека, чтобы воспользоваться чужой пенсией. Пока Лычагин растерянно топтался на месте, не зная, как ответить на явную клевету, Касьяныча бесцеремонно впихнули в машину, и он поехал назад.

— Лычагин, — тянул руки из окна заплаканный Касьяныч, — не бросай меня!

Подул ветер, нагоняя облака. Уже накрапывало, когда удачно подошёл автобус. Только Лычагин вошёл в него, полил дождь, он хлестал по окнам и ручейками стекал вниз. Старик удобнее устроился в кресле, хмель выветрился.

В салоне было по-домашнему уютно, и к Лычагину в полудрёме пришли воспоминания: вот они с Касьянычем вернулись из армии, где Лычагин служил в танковых войсках, а Касьяныч шоферил в стройбате. Работать остались в колхозе: он комбайнёром, Касьяныч шофёром. В страду Касьяныч развозил в поле обеды с поварихой Анной, в которую оба были влюблены. Красивая и статная Анна предпочтение отдавала Лычагину, что не устраивало заносчивого Касьяныча. Что однажды произошло между ними в пути,

можно только гадать: может, Анна дала слабину, может, Касьяныч взял насильно, только с того дня Анна стала избегать Лычагина. Окончательную точку в их отношениях поставил случай, когда Лычагин по доброте душевной помог Касьянычу с ремонтом машины в поле: тогда Касьянычу по его собственной безалаберности “мостом” придавило ногу. Только он всё выставил перед Анной в неприглядном свете: как будто Лычагин это сделал специально, чтобы отомстить за то, что Анна не стала с ним дружить.

Выслушав от Анны необоснованные упрёки, Лычагин подался в рабочий посёлок на завод. Здесь и познакомился с Галей, которая работала в цехе крановщицей. Она оказалась матерью-одиночкой с полуторагодовалой дочкой на руках, но это Лычагина не остановило, и скоро они поженились. Правда, детей она иметь уже не могла. Вот так и прошла вся его жизнь без любимой женщины и родного ребёнка. И всё-таки не было у Лычагина неприязни к предавшему его другу: что раньше было, то больём поросло.

Когда Лычагин добрался до места, дождь прекратился, ярко светило умытое солнце, пели птицы. Что ни говори, а жизнь у Лычагина положительно удалась: хорошая жена... была, любящая дочь, доброжелательный зять, прекрасный внук. Что ещё нужно для счастья?